

Ю.Б. Циркин

Авит и вестготы

Убийство Петрония Максима и последующий двухнедельный грабёж Рима вандалами создали в Западной империи политический вакуум. Отношения между восточной и западной частями Империи были не лучшими, и восточный император Маркиан не стал вмешиваться в западные дела. Находившаяся в Италии армия и ее командование были дискредитированы своей неспособностью защитить Вечный город или хотя бы отомстить за его разгром. Сенат после этого разгрома также не имел никаких возможностей взять дело в свои руки. В этих условиях инициативу проявили другие мощные варвары – вестготы. Они выдвинули императором галльского аристократа М. Меццилия Флавия Эпархия Авита.

Сидоний Аполлинарий (Carm. VII, 153-155) пишет о славном роде Авита, имевшего знатных предков. Это утверждение содержится в панегирике, и оно вполне могло быть принято за преувеличение, неизбежно присущее этому жанру. Однако едва ли панегирист стал бы просто выдумывать факты. Среди предков Авита Сидоний называет патриция Филагрия. Он почти ничего конкретного об этом Филагрии не говорит, упоминая лишь его ранг патриция. Но то, что автор панегирика счел необходимым упомянуть именно Филагрия, говорит о значимости этой фигуры. Возможно, что речь идет о том Филагрии, который был нотарием Юлиана в Галлии, участвовал в персидском походе этого императора, а затем стал комитом Востока. Его упоминал Аммиан Марцеллин, с ним переписывался Либаний¹. Отца будущего императора Сидоний Аполлинарий не называет, но исходя из того факта, что сын Авита звался Агриколой, полагают, что и отец его тоже был Агрикола, являвшийся префектом Галлии в 418 г. и консулом в 421 г.² Внуком Агриколы от его второго сына (видимо, Нимфидия) был Магн, позже тоже ставший префектом Галлии и консулом³. Родственником Авита был Теодор, который именно из-за своей знатности (*nobilis*) стал заложником у готов (Sid. Apoll. VII,

¹ PLRE I. P. 693; *Enßlin W.* Philagrius // RE 1938. Hbd. 38. Sp. 2106-2107. В. Энсслин, однако, считает предка Авита иным человеком, чем нотариус Юлиана.

² PLRE II. P. 56-57. *Seeck O.* Agricola // RE. 1894. Hbd. 1. Sp. 892.

³ PLRE II. P. 700-701.

217-218). Кровным родством (каким точно, неизвестно) Авит был связан с Прииском Валерианом, занимавшим в 50-е гг. V в. пост префекта Галлии (Sid. Apoll. VIII, 1-2)⁴. Знатного происхождения была и его мать (Sid. Apoll. VIII, 164-165). Позже Авит выдал свою дочь Папианиллу замуж за Сидония Аполлинария, принадлежавшего к одному из самых знатных родов Галлии⁵. Все это говорит о принадлежности Авита к самым «сливкам» галльской аристократии. Первоначально принадлежа, видимо, к городской аристократии⁶, фамилия Авитов скоро вышла на «имперский» уровень.

Столь высокое происхождение Авита предусматривало и его успешную карьеру. Свой путь он начал с изучения права (*civilia iura*), и тогда же выполнил первую важную общественную обязанность: был направлен в качестве посланника к Констанцию с просьбой отменить отвратительный налог (Sid. Apoll. Carm. VIII, 207-210), наложенный на родину Авита Арверн, по-видимому, из-за ее активной поддержки узурпатора Иовина⁷. Юный Авит успешно выполнил свою миссию. Позже он не раз еще исполнял важные дипломатические поручения, но свою карьеру он предпочел делать в армии, сражаясь под командованием Аэция. Авит участвовал в войнах Аэция в Норике, Винделиции, в самой Галлии (Sid. Apoll. Carm. VII, 230-240). Уже в 437 г. он, по-видимому, был магистром обеих армий для Галлии⁸. А в 439 г. он стал в этом году префектом претория Галлии (Sid. Apoll. VII, 295-296, 314-315). Префект претория автоматически становился иллустрис, т. е. поднимался на самую высокую ступень senatorской иерархии⁹. Этот ранг можно было получить, не только по достижению соответствующей должности в имперской бюрократии, но и как особый дар императора¹⁰. Авит явно получил его в качестве награды за военные деяния (Sid. Carm. VII, 241).

⁴ PLRE II. P. 1142-1143.

⁵ Klotz A. Sidonius // RE. 1923. Hbd. 4A. Sp. 2230-2231. Литература о Сидонии Аполлинарии огромна.

⁶ Wickham Ch. Framing the Early Middle Ages. Oxford, 2007. P. 167-168.

⁷ Loyen A. Reccheches historiques sur les Panégyriques de Sidoine Apollinaire. Paris, 1942. P. 38-39.

⁸ PLRE II. P. 107. Впрочем, вопрос этот еще спорный. Некоторые исследователи отрицают магистерство Авита в Галлии: Demandt A. Magister militum // RE. 1970. SpTbD XII. Sp. 681-682. Одним из важнейших доводов против магистерства Авита является тот факт, что он не был патрицием. Однако патрициат и магистерство не были тесно связаны друг с другом. Так, Аэций был магистром конницы для Галлии уже в 429 г. (Stickler T. Aëtius. München, 2002. S. 47-48), а патрицием стал в 435 г. (ibid. S. 63).

⁹ Berger A. Illustriis // RE. 1914. Hbd. 17. Sp. 1075-1076; Чекалова А.А. Сенат и сенатская аристократия Константинополя. М., 2010. С. 90-91.

¹⁰ Smith R. The imperial court of the late Roman empire // The Court and Court Society in Ancient Monarchies. Cambridge, 2007. P. 184.

Другой стороной жизни и деятельности Авита являлись его отношения с вестготами. В какое-то время после 425 г. Авит лично прибыл в Толозу ко двору вестготского короля Теодориха I, чтобы добиться отпуска своего родственника Теодора, находившегося в готском плену в качестве одного из заложников (Sid. Apoll. Carm. VII, 215-220). Этот первый опыт сношений с вестготским королем не остался без последствий. Связи Авита с вестготским двором становились относительно тесными. Он даже принимал какое-то участие в воспитании королевских сыновей, особенно будущего Теодориха II. Сидоний Аполлинарий (Carm. VII, 495-498) вкладывает в уста Теодориха II утверждение, что Авит научил его римскому праву и умению ценить Вергилия. Конечно, эта речь, как она изложена, – выдумка панегириста, но само по себе участие Авита в обучении и воспитании Теодориха II не вызывает сомнений. Едва ли Сидоний столь смело выдумывал факты в присутствии самого Авита. К тому же, он был зятем Авита и вполне мог узнать о пребывании в Толозе своего будущего тестя от него самого. Такие довольно тесные отношения Авита с вестготским королевским двором в большой степени соответствовали общим позициям галло-римской знати¹¹. Местное магнатство, с одной стороны, стремилось не допустить дальнейшего расширения владений варваров, а с другой, принимало их присутствие как данность и пыталось установить с ними некий *modus vivendi*¹². В этих условиях военные акции Авита, его богатства и связи, долговременные отношения с вестготами обеспечили ему эти авторитет и значимость¹³.

В 437 г. во время очередной войны с вестготами Авит сумел договориться с Теодорихом I и убедил его снять осаду с Нарбонна, страдавшего от голода (Sid. Apoll. Carm. VII, 475-480). Его назначение префектом претория Галлии в 439 г. также имело целью дипломатическое урегулирование нового обострения отношений с вестготами¹⁴. В этом году магистр обеих армий для Галлии Литорий, недавно успешно воевавший с повстанцами Арморики, попытался решить «вестготский вопрос» и напал на их столицу Толозу. Однако римляне потерпели полное поражение, и сам Литорий был захвачен в плен и вскоре убит (Sid. Apoll. Carm. VII, 300-301; Prosp. a. 439; Hyd. 116). Это поражение Литория открыло вестготам путь к новому вторжению, и вскоре они оказались уже на берегах Родана. Все попытки остановить это вторжение, даже путем подкупа, не удались, и пришлось прибегнуть к диплома-

¹¹ *Wolfram H.* The Roman Empire and Its Germanic Peoples. Berkeley; Los Angeles; London, 1992. P. 158.

¹² Речь идет о магнатах, владения которых находились на территории, подконтрольной императорской власти. Позиция тех, кто жил и имел владения на землях, находившихся во власти варваров, была, вероятно всего, иной.

¹³ *Demandt A.* Die Spätantike. München, 1989. S. 171, 261.

¹⁴ *Вольфрам Х.* Готы. СПб, 2003. С. 251.

тии¹⁵. Именно Авит стал той фигурой, которая повела сложные дипломатические переговоры с вестготским королем¹⁶. Переговоры завершились полным успехом, и в их результате был заключен новый договор (Sid. Apoll. Carm. VII, 301-315)¹⁷. Южная Галлия надолго оказалась огражденной от новых готских вторжений¹⁸.

Вскоре после своего дипломатического успеха Авит не только покинул пост префекта претория, но и вышел в отставку и поселился в своем имении (Sid. Apoll. Carm. VII, 316-317). Это, по-видимому, было связано с какой-то борьбой в «верхах» Империи, в том числе и за реальную власть в Галлии. Уже в 440 г., т. е. в следующем после префектуры Авита, на этом посту находился Альбин (Prosper. 1341). Альбин принадлежал к влиятельному сенаторскому клану Цейониев-Дециев¹⁹. Именно в 440 г. обострились отношения Аэция с сенаторами. Вероятнее всего, это было связано с событиями в Африке, с которой Цейониев-Дециев связывали особые отношения²⁰. Не исключено, что назначение на высший гражданский пост в Галлии представителя клана Цейониев-Дециев явилось своеобразной компенсацией за потерю (полную или частичную) позиций в Африке. По словам Проспера, дружбу между Аэцием и Альбином сумел восстановить Лев, являвшийся тогда диаконом. Поскольку Лев был избран папой 29 сентября 440 г., это «восстановление дружбы» надо отнести к середине или даже первой половине 440 г. Следовательно, Авит вышел в отставку в конце 439 или в начале 440 г. В условиях обострения отношений между влиятельными силами в имперской верхушке, а затем их примирения места для Авита не оказалось.

Вновь на сцене Авит появился только в 451 г. во время вторжения Атилы. Положение было столь сложным, что одних только римских сил для войны со столь грозным врагом было недостаточно. Валентиниану и Аэцию пришлось обратиться к вестготам. Сидоний Аполлинарий (Carm. VII, 318-356) говорит, что Аэций, едва перевалив через Альпы, обратился к Авиту за помощью, считая его спасителем мира, а тот ввиду страшной угрозы согласился и убедил гота соединиться с армией Аэция. Разумеется, во всем восторженном описании роли Авита много преувеличений, как это и полагалось в панегирике, обращенном, к тому же, не только к императору, но и к своему тестю. Все

¹⁵ Положение римлян осложнялось тем, что в это же время вандалы возобновили свое наступление в Африке и в том же 439 г. захватили Карфаген (Prosper. a. 439; Hyd. 118).

¹⁶ Løyn A. Recherches... P. 50.

¹⁷ Идаций (117), говоря о восстановлении мира между римлянами и готами, о роли Авита не упоминает.

¹⁸ Stickler T. Aëtius. München, 2002. S. 205-206.

¹⁹ PLRE II. P. 51-53; Stickler T. Aëtius. S. 241.

²⁰ Stickler T. Aëtius. S. 241.

же совсем преуменьшать роль Авита нет смысла. Огромное внимание панегириста к этому эпизоду жизни и деятельности Аэция свидетельствует о его роли в биографии будущего императора. Учитывая, что панегирик был произнесен при вступлении уже императора в консульство, можно полагать, что активное участие Авита в подготовке победоносного исхода войны с Аттилой играло важную роль в политической пропаганде нового правления. Хотя пропаганда такого рода (как и панегирик), несомненно, подразумевает всяческие преувеличения, быть абсолютно беспочвенной она не может. Через некоторое время новый император Петроний Максим попытается использовать связи Авита для укрепления своих позиций в Галлии и получения поддержки вестготов²¹. Если бы Авит примерно за четыре года до этого не сыграл бы важную роль в привлечении вестготов к поддержке римлян, такое его назначение было бы нелогичным. В самой битве на Каталаунских полях Авит не участвовал; в противном случае Сидоний Аполлинарий не преминул бы об этом сказать. Авит явно не вступил в армию и остался *privatus*.

После разгрома Аттилы в Галлии Авит снова исчезает со сцены. Можно, конечно, предполагать, что он просто не захотел менять ставшую уже привычной спокойную сельскую жизнь на волнения, связанные с политической или военной карьерой. Однако более поздние события показывают вероятную ошибочность такого предположения. Когда Петроний Максим снова призвал Аэция на службу, дав ему самый высокий военный ранг, тот тотчас же принял свое назначение, а та энергия, с какой он стал выполнять свои обязанности, может показать его усталость от «деревенского покоя». Да и Сидоний Аполлинарий (Carm. VII, 317-319), говоря об удалении Авита в «деревню», тут же подчеркивает, что ему не нравились ни покой (*otia*), ни мирное безделье (*desidia inbellis*) и что он продолжал заботиться об оружии. Так что можно быть почти уверенным, что его жизнь в качестве *privatus* была вынужденной.

Чем объяснить это удаление Авита на покой и его невозвращение к активной жизни после столь удачного исполнения важного дипломатического поручения, мы не знаем. В отличие от более позднего панегирика Майориану в панегирике Авиту Сидоний Аполлинарий даже не намекает ни на вынужденность отставки, ни на ее причины. Более того, подчеркивается служба Авита именно под командованием Аэция (Carm. VII, 230-240). Ниже (357-359) панегирист с явным неодобрением говорит об убийстве Аэция императором, которого в связи с этим даже презрительно называет «полумужем» (*semivir*), как обычно называли часто всесильных, но презираемых евнухов. Имея в виду пропагандистский характер произведения, можно полагать, что подчеркивание заслуг Аэция и активное участие Авита в его деяниях было важной

²¹ Heather P. La caduta dell'imperio romano. Milano, 2008. P. 451.

составной частью авитовской пропаганды. В таких условиях акцентировать внимание на существовавших ранее (даже если они существовали) разногласиях с популярным полководцем ни сам Авит, ни Сидоний Аполлинарий не хотели.

Обстановка радикально изменилась после убийства Валентиниана в марте 455 г. Петроний Максим не только вернул Авита на службу, но и дал ему самый высокий военный ранг магистра обеих армий *praesentalis*²². При этом ему было поручено действовать в Галлии. Очень вероятно, что Авит даже не был в Риме, а, получив и ранг, и поручение, остался в Галлии. Вестготы явно сочли, что договор, ранее заключенный ими с Аэцием, перестал существовать с его смертью, а последующее убийство Валентиниана создало, как им казалось, ситуацию, какую можно использовать для расширения своих владений (*Sid. Apoll. Carm. VII, 361-375*)²³. Авит в течение короткого времени успешно справился с саксами, франками и аламаннами, нападавшими на Галлию (*Sid. Apoll. Carm. VII, 388-391*). Едва ли он одержал какие-то решающие военные победы; для этого у него явно не было времени. Скорее всего, пользуясь своими дипломатическими способностями, Авит сумел возобновить заключенные ранее договоры²⁴. Более сложной задачей было умиротворение вестготов. Авит направил часть своего войска во главе с Мессияном, чтобы сдерживать готов (*Sid. Apoll. Carm. VII, 426-427*), а сам прибыл к тем же готам уже в качестве посла императора. Если верить Сидонию Аполлинарию (*Carm. VII, 411-430*), само появление Авита заставило вестготов отказаться от военных действий и восстановить мирные отношения с Империей. В Толозе Авит встретился с вестготским королем. Его переговоры с ним облегчались тем, что этим королем был бывший ученик Авита Теодорих II.

Во время переговоров в Толозу пришло известие о взятии Рима вандалами и смерти Петрония Максима. Это сразу же изменило ход переговоров. Вестготы решили воспользоваться образовавшимся политическим вакуумом, и Теодорих II предложил Авиту самому стать следующим императором (*Sid. Apoll. Carm. VII, 479-518*). При этом, если верить Сидонию Аполлинарию, он заявил: «Я – друг Рима, когда ты – полководец, и воин, когда ты – государь». Это было недвусмысленным предложением военного союза. Острие этого союза, по крайней мере, официально, было направлено против вандалов, кото-

²² PLRE II. P. 198. Иногда полагают, что Авит был магистром воинов *per Gallias*: *Loyen A. Recherches...* P. 53; *Heather P. La caduta...* P. 451. Но Сидоний Аполлинарий (*Carm. VII, 377-378*), говоря об этом назначении, упоминает, что Максим назначил Авита магистром для себя (*sibi*), и это, пожалуй, подтверждает мнение тех ученых, которые считают магистерий Авита *praesentalis*.

²³ Сидоний Аполлинарий, явно преувеличивая, дабы подчеркнуть сложность задачи Авита, даже утверждает, что готы уже воображали, что взяли Рим.

²⁴ *Loyen A. Recherches...* P. 54.

рые издавна были врагами вестготов²⁵, а теперь стали и врагами римлян. По словам Сидония, Теодорих якобы заявил, что он искупит старое разрушение Рима готами мстью за его нынешнее разрушение. Был заключен новый договор (Sid. Apoll. Carm. VII, 522), конкретные условия которого неизвестны, но явно подразумевающий не только прекращение войны в Галлии, но и помощь вестготов в утверждении Авита в качестве императора. Создание этого союза на деле означало признание самостоятельности вестготов.

Вестготы в это время представляли значительную силу, и, пожалуй, ее было достаточно, чтобы в условиях сумятицы, наступившей после смерти Петрония Максима и вандалского разгрома Рима, утвердить Авита на троне Западной империи. Однако приход к власти исключительно с помощью варваров был бы совершенно неприемлем для римского общественного мнения как на Западе, так и на Востоке и мог бы даже привести к разрыву между двумя частями Империи. Авит не мог этого не учитывать. Поэтому для него было важно получить власть и от части, по крайней мере, правящего слоя самой Империи. Его второй опорой стала галло-римская знать. Она представляла особую группу в имперской аристократии, и ее интересы далеко не всегда совпадали с интересами итало-римской знати, преобладающей в сенате²⁶. Близость последней к императорскому двору вела, естественно, и к превалированию ее интересов в общей политике Западной империи. Теперь галло-римские аристократы решили, что пришло время реванша. Союз с вестготами, с одной стороны, и дискредитация итало-римской знати и италийской армии, с другой, давали им возможность занять первенствующее место во властной элите Западной империи²⁷. Местная знать собралась в Угерне, находившемся в девяти милях от центра римской Галлии Арелата (Sid. Apoll. Carm. VII, 524-575). Каков был точно состав участников этого собрания, сказать трудно. Сидоний Аполлинарий просто говорит о *nobilitas*, заявляя при этом, что люди прибыли из различных частей Галлии от Коттийских Альп до Пиренеев и от Тирренского моря до Рейна. Речь, видимо, идет о галльских сенаторах²⁸. Были ли среди них магнаты, жившие под властью вестготского или бургундского короля, неизвестно. Собрание поддержало кандидатуру Авита. Через два дня, 9 июля 455 г. (Auctar. Prosp. Havn. 6), уже в самом Арелате на собрании местных аристократов (*proceres*) и воинов (*milites*) Авит был офи-

²⁵ Clover F.M. Geiseric and Attila // *Historia*. 1973. Bd. 24,1. P. 106-107. В начале 40-х гг. возник союз между Теодорихом I и Гейзерихом, закрепленный браком дочери Теодориха с сыном Гейзериха Гунерихом. Однако вскоре Гейзерих считал более выгодным брак своего сына с дочерью Валентиниана, в результате чего дочь Теодориха была с позором отослана к отцу (Iord. 184), и старая вражда возобновилась.

²⁶ Alföldy G. *Storia sociale dell'antica Roma*. Bologna, 1987. P. 278-279.

²⁷ Grant M. *The Fall of the Roman Empire*. London, 1990. P. 73.

²⁸ Løyn A. *Recherches...* P. 55.

циально провозглашен императором (Sid. Apoll. Carm. VII, 576-584). Вероятнее всего, это было то собрание провинций, *consilium provinciarum*, которое давно уже существовало в Галлии, позже исчезло и было восстановлено по инициативе Констанция в 418 г., хотя его состав мог быть и явно был более широким²⁹. Возможно, что и готы, в том числе король и его братья, участвовали в этом собрании³⁰. Недаром Идаций (183) говорит о том, что Авит был сделан императором галлами и готами (a Gallis et Gothis factus).

Сидоний Аполлинарий уделяет этим двум собраниям много места. Но за риторикой и пышными фразами практически нельзя различить никаких деталей. Кто были *nobilitas* в одном случае и *proceres* в другом? Это явно галло-римские сенаторы, но каким образом они собрались, кто был инициатором этих собраний, велись ли какие-либо дебаты, кроме выслушивания самой авторитетной персоны, совершенно неизвестно. Неизвестно также, кем являлись воины, окружавшие собрание знати и явно участвовавшие в провозглашении Авита. Несколько более поздние хронисты ограничивались указанием, что Авит стал императором в Галлии (Auctar. Prosp. Havn. 6; Vict. Tonn. a. 455; Cass. Chron. a. 455). Более подробные сведения сообщает современник этих событий Идаций. Он пишет (163), что галльский гражданин Авит был провозглашен императором галльской армией (ab exercitu Gallicano) и *honorati* сначала в Толозе, а затем около Арелата. Несколько ниже (183) он прямо говорит, что Авит был сделан императором галлами и готами.

Сравнение текстов Идация и Сидония Аполлинария очень интересно. Сидоний, подробно излагая речи Авита и Теодорих в Толозе, говорит о предложении вестготского короля Авиту стать императором, о мести новым разрушителям Рима в случае, если Авит примет его предложение, о желании в таком случае вообще стать воином Империи, но молчит о реакции самого Авита. Из текста Сидония создается впечатление, что только собрания галльской знати в Угерне и Арелате привели Авита на трон. Идаций же ясно говорит, что Авит был провозглашен (*apellatur*) императором сначала (*primum*) в Толозе и затем (*dehinc*) около Арелата. Следовательно, первым провозглашением Авит был обязан вестготам, за которыми уже только последовали галльские аристократы. И это вполне понятно. Сидоний Аполлинарий произносил свой панегирик в Риме перед римлянами. В Галлии и знать, и «простой» народ уже искали способы сосуществования с варварами. Жители же Италии и особенно Рима, помнившего не только недавний разгром вандалами, но и относительно недавние (всего 45 лет назад) взятие и грабеж вестготами, все еще воспринимали варваров, и, может быть, особенно вестготов как врагов. Неда-

²⁹ О восстановлении этого собрания: *Loyen A. Recherches...* P. 38.

³⁰ *Вольфрам Х. Готы. С. 255; Schwarcz A. Senatorische Heerführer im westgotereich im 5. Jh. // La noblesse romaine et les chefs barbares. 1995. P. 50.*

ром панегирист, чтобы сгладить впечатление от союза с этим старым врагом, вкладывает в уста вестготского короля осуждение захвата Рима готами, называя это «давним преступлением». Неважно, действительно ли Теодорих так сказал или это была выдумка самого Сидония. Цель высказывания ясна: римляне не должны отвратиться от Авита и вестготов из-за старого преступления последних. Идаций, живший на дальнем краю римского мира, таких чувств по отношению к вестготам уже не питал и поэтому мог вполне спокойно и объективно отметить роль вестготов в провозглашении Авита³¹.

Другой момент привлекает внимание. Рассказывая о собраниях в Угерне и Арелате, Сидоний Аполлинарий выдвигает на первый план именно знать. В Угерне вообще присутствовала, по его словам, только nobilitas, и решающую роль сыграл «один, самый важный из аристократов» (*procerum maximus unus*), достойный говорить от имени родины. В Арелате собрались знатные люди (*concurrunt proceres*), которые и увенчали Авита военным колье и дали ему инсигнии правления. Роль же военных заключалась лишь в их присутствии (*milite circumfuso*). *Honorati* Идация, скорее всего, те же аристократы, о которых говорит Сидоний. Но они названы Идацием вторыми, в то время как первое место занимает галльское войско. Более того, по смыслу фразы получается, что под галльским войском хронист подразумевал и вестготов, поскольку выражение *primum Tolosa, dehinc apud Arclatum* относится и к войску, и к знати. Может быть, это подразумевает, что вестготы стали частью галльской армии после провозглашения Авита? Панегирист явно пытается создать впечатление, что Авит принял власть от знати, собравшейся на свои собрания. В условиях, когда дворец пуст, а сенат изгнан, именно это собрание оказывается единственным легальным источником власти. Таким образом, Авит предстает не как узурпатор, обязанный тронем армии, а тем более готам, но как законный август, облеченный инсигниями власти сенаторской знатью, хотя и не Рима, а Галлии. А хронист не скрывает военный характер провозглашения, в котором, однако, участвовали и местные аристократы.

После своего провозглашения императором Авит с армией двинулся в Италию и занял Рим, где и был признан (*Hyd.* 163). Говоря о событиях следующего года, когда Авит был свергнут, один из хронистов (*Auctar. Prosp. Havn.* 456, 2) пишет об отборных союзниках (*sociorum robur*) Авита. Речь явно идет не о регулярной римской армии. Учитывая все сказанное ранее, можно по-

³¹ Возможно, на это повлияло еще одно обстоятельство. Родина Идация Галлеция являлась ареной многолетней борьбы между местным испано-римским населением и свевами. Вестготы же выступали как противники свевов и, следовательно, объективные союзники испано-римлян. Хотя Идаций не скрывает грабежей и преступлений вестготов, они могли рассматриваться как меньшее зло по сравнению со свевами, и поэтому хронист мог относиться к ним более спокойно.

лагать, что союзниками Авиты были вестготы. Это указывает на то, что Авиты в его походе в Италию сопровождала какая-то часть вестготов³². Таким образом, вестготы снова вошли в Рим, но уже не как завоеватели, а как союзники нового императора. В Италию Авит, уже имея почести (*praesumpti honores*)³³, т. е., по-видимому, признанный уже и в Риме, вошел 21 сентября (*Auctar. Prosp. Navn. 7*). Получается, что между провозглашением в Арелате и вступлением в Италию прошло почти два с половиной месяца. Путь же из Южной Галлии в Италию был, разумеется, много короче. Видимо, все это время было занято какими-то переговорами между Авитом и его контрагентами в Риме и Равенне. Этими контрагентами могли быть и сенаторы, и командиры итальянской армии³⁴. Ни о каком сопротивлении вступлению Авиты неизвестно. Его явно и не было. Переговоры, видимо, были весьма успешны, и Авит спокойно вошел в Рим.

Приход к власти Авиты имел большое значение для политической истории Западной Римской империи. В первую очередь это связано с активной ролью вестготов в установлении власти нового августа. Варвары и раньше пытались поставить своих кандидатов на трон, как это делали вестготы с Атталом, аланы с Максимом, и бургунды и аланы с Иовином. Однако, хотя Аттал был впервые провозглашен императором в Риме, в Равенне оставался законный император Гонорий, и авантюра Аттала оказалась очень короткой. Второе «правление» Аттала вообще было скорее комическим. Иовин с помощью варваров пытался захватить власть в Галлии, но неудачно. Столь же неудачливым оказался в Испании Максим. Теперь же впервые варвары навязали свою креатуру Западной Римской империи, и эта креатура в этой части Империи была признана.

Это событие означало начало нового этапа в отношениях Империи и варваров. В 378 г. в битве при Адрианополе вестготы наголову разгромили армию восточного императора Валента и убили его самого. Это было тяжелейшее поражение римлян. Стало ясно, что римская военная машина, доставившая Риму господство во всем Европейско-Средиземноморском регионе, несмотря на уже проведенные реформы, дала сбой, и она должна быть еще далее реформирована. С политической точки зрения, однако, важнее оказались ее последствия для истории Римской империи. 3 октября 382 г. действовавший по поручению Феодосия магистр воинов Фракии Флавий Сатурнин заключил с готами договор. По условиям этого договора готам была представлена территория для поселения на правобережье нижнего Дуная. Они получали не только землю, но и аннону, а за это их боеспособные мужчины долж-

³² *Wolfram H. The Roman Empire... P. 152.*

³³ То есть императорские инсигнии, как полагает Т. Моммзен: *MGH I. P. 304.*

³⁴ Прежде всего можно думать о Майориане и Рицимере.

ны были служить римскому императору. Служить они должны были, однако, под командованием не римских офицеров, а своих вождей и не по римским правилам, а по собственным обычаям. Поселившиеся на имперской территории готы (точнее – вестготы) управлялись собственными правителями в соответствии с собственными установлениями. Фактически на этой территории создавалось автономное готское государство с совершенно иными принципами управления, чем в Римской империи. Оно было связано с Империей определенным договором (*foedus*) с взаимными обязательствами. Недаром Иордан (138) пишет, что готы стали владеть территориями, на которых поселились, как родной землей³⁵. Вестготы и становились первыми формальными федератами Империи³⁶. Договор 382 г. положил начало становления варварских государств на территории Империи. Постепенно возникло несколько таких государств. Как правило, они обычно официально считались федератами Империи, т. е. признавали суверенитет римского императора, хотя реально были совершенно независимыми и даже воевали с Империей за расширение своих территорий. Приход к власти Авита означал, что вестготский король уже стал распоряжаться тронном Западной империи. С этого времени за немногими исключениями западный трон и судьба самой Западной Римской империи стали зависеть от варваров, будь это варварский король или командующий римской армией, тоже состоявшей уже из варваров.

Однако это была лишь одна сторона дела. Другая заключалась в том, что на Западе полностью прекратила существования династия, восходившая к Феодосию. Хотя официально императорская власть в Римской империи не была наследственной, реально династический принцип наследования власти признавался. Во всяком случае, принадлежность к правящему дому давала дополнительную легальность новому императору. Поэтому и Маркиан на Востоке, и Петроний Максим на Западе стремились путем брака войти в фамилию Феодосия. Но теперь в Италии ни одного представителя этой фамилии не было. Жена и обе дочери Валентиниана находились в вандальском плену. Так что этот путь легализации власти был Авиту закрыт. В этих условиях особенно важным стало для него признание восточного императора. Чтобы получить это признание, Авит вскоре после своего признания в Риме направил специальное посольство к Маркиану, выражая желание в единоду-

³⁵ Heather P. *Goths and Romans*. Oxford, 1992. P. 158-165.

³⁶ Коростелин В.А. Договорные отношения Позднеримской империи с варварами // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 44-45; Вольфрам Х. Готы. С. 191-193. Имеются сведения, что договор с готами сначала заключил Грациан, а Феодосий только последовал его примеру. Однако об условиях договора Грациана почти ничего неизвестно. Может быть, это было просто мирное соглашение, и условия поселения готов (видимо, не вестготов, а остготов) не отличалось от условий прежнего времени. В таком случае договор Грациана принципиально отличается от договора Феодосия.

шии (*unanimitate*) править Империей (Hud. 166). Но Макриан явно отказался признать Авита. Его имя не появляется ни в одном восточном документе³⁷.

Как это было давно принято, 1 января 456 г. Авит вступил в консульство. Однако Восток это консульство не признал. Консулами этого года были объявлены Иоанн и Варан. Оба они упоминаются только как консулы этого года³⁸. По-видимому, никаких особых заслуг у них и не было, и их назначение означало лишь демонстрацию непризнания Авита³⁹. Одновременно Маркиан делает ряд шагов, которые должны были показать, что отныне он является единственным настоящим августом всей Римской империи. Разгромив лазов, он направляет свои корабли в Испанию, чтобы и там сообщить о своей победе (Hud. 177). Едва ли Испания представляла в то время для Константинополя столь большой интерес, что она была специально выбрана для сообщения о победе. Более вероятно, что такие посольства были направлены и в другие провинции Западной империи. Еще нагляднее претензии Маркиана на единоличное правление (если не фактическое, то, по крайней мере, официальное) видно из его отношений с Гейзерихом⁴⁰. Маркиан ничего не сделал ни для предотвращения вандальского грабежа Рима, ни для отмщения за него. Но теперь он потребовал от вандальского короля немедленно вернуть (и при том вернуть именно в Константинополь) царственных пленниц, что Гейзерих, однако, отказался сделать (FHG IV. Prisc. Fr. 24). Вандальское королевство находилось на территории, официально подконтрольной западному императору, и это требование Маркиана тоже можно рассматривать как вызов тому, кого он считал узурпатором.

Таким образом, стремление Авита легализовать свое положение еще и признанием восточного коллеги потерпело крах. Не мог он и продолжить ранее правившую династию. Это могло бы его толкнуть на попытку создания собственной династии. Петроний Максим провозгласил цезарем своего сына Палладия. У Авита было два сына – Агрикола и Экдиций⁴¹. Но о назначении их или одного из них цезарем ничего неизвестно. Позже они оба не только остались в живых, но и сделали блестящую карьеру. Агрикола, как и отец, стал *vir illustris*⁴², хотя неизвестно за какие заслуги и какую исполняя должность, он достиг этого высшего сенаторского ранга. Больше известно об Экдиции, который позже стал патрицием (Sid. Apoll. Ep. V, 16, 1) и, вероятно,

³⁷ *Enßlin W. Marcianus // RE. 1930. Hbd. 28. Sp. 1518.* Идаций (169), правда, утверждает, что Авит и Маркиан совместно правили Империей. Однако это утверждение опровергается другими данными.

³⁸ *Чекалова А.А. Ук. соч. С. 96; PLRE II. P. 599, 1150.*

³⁹ Надо заметить, что хроники также датируют 456 г. только Иоанном и Вараном.

⁴⁰ *Enßlin W. Marcianus. Sp. 1518*

⁴¹ *PLRE II. P. 196.*

⁴² *PLRE II. P. 37.*

магистром обеих армий⁴³. Трудно представить, что кто-либо из них после свержения отца не только сохранил жизнь, но и сделал карьеру, если бы получил официально титул цезаря. В панегирике Сидония Аполлинария ощущается противопоставление Авита Максиму. В одном месте (VII, 545) даже с осуждением говорится о том, что тот захватил город (*occupat urbem*)⁴⁴. Поэтому вполне возможно, что Авит демонстративно отказался от шага, какой сделал его предшественник, провозглашая сына цезарем. Конечно, каждый император мечтал о закреплении власти за своими детьми, и возможно, что в будущем Авит мог или, во всяком случае, намеревался тоже закрепить власть за своей фамилией, но не успел этого сделать. Но это – из области гаданий. Пока что можно говорить, что никаких сведений о провозглашении цезарем кого-либо из своих сыновей у нас нет, а косвенные данные свидетельствуют, что Авит этого и не сделал.

Авит, естественно, привел с собой и свою «команду». К сожалению, мы знаем только очень немногих из этой «команды». Вместе с ним прибыл в Рим его молодой зять Сидоний Аполлиний. Возможно, что уже в Арелате Сидоний Аполлиний получил какую-то высокую придворную должность⁴⁵. Другими людьми, выдвинутыми Авитом, были Мессиян и Ремист. О Ремисте известно только то, что в сентябре 456 г. он был патрицием (*Fasti Vind. Prior. 578; Auctar. Prosp. Havn. 456, 1*). Какую при этом Ремист исполнял должность, неизвестно. Он был убит во дворце в Классис около Равенны, и ни о каких его связях с армией не говорится. Его имя считается германским⁴⁶. Поскольку германцы в основном служили в армии, то можно думать, что Ремист командовал армией и занимал пост магистра воинов *praesentalis*⁴⁷. В таком случае не исключено, что он был именно готом и прибыл в Италию вместе с Авитом⁴⁸, возглавляя тех вестготов, которые составили часть войск нового императора. Но это – лишь чистое предположение, не имеющее никакой опоры в источниках. Почетный титул патриция можно было получить и на гражданской службе, как это было с Петронием Максимом. В сообщении о битве, происшедшей месяцем после убийства Ремиста, упоминается Мессиян (*Fasti Vind. Prior. a. 456; Auctar. Prosp. Havn. 456, 2*). Он более известен, чем Ремист, ибо о нем говорит Сидоний Аполлиний в панегирике (VII, 426-427). По

⁴³ PLRE II. P. 383-384.

⁴⁴ Правда, эти слова вложены в уста лидера Галлии, но едва ли нужно сомневаться, что они отражали чувства и самого Авита, и панегириста и, как надеялся автор, его слушателей.

⁴⁵ Loven A. *Recherches...* P. 56. Это могла быть должность трибуна и нотариуса.

⁴⁶ PLRE II. P. 939.

⁴⁷ PLRE II. P. 1288; Demandt A. *Magister militum*. Sp. 672.

⁴⁸ O'Flynn J.M. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton, 1983. P. 106; Schwarcz A. *Op. cit.* P. 50. .

словом панегириста, Мессиян сдержал гнев готов в то время, когда сам Авит боролся с другими варварами в Галлии. Он явно командовал какой-то частью армии Авита, хотя его должность и неизвестна. Полагают, что Мессиян получил и титул патриция, и должность магистра обеих армий после убийства Ремиста⁴⁹. Но это совсем не обязательно. В принципе патрициев могло быть несколько человек одновременно, как это было, например, при Валентиниане III⁵⁰. Существует предположение, что Мессиян был галльским аристократом, хотя единственным доводом в пользу этого является существование около 500 г. другого Мессияна, являвшегося *vir illustrissimus* в Галлии, который мог быть сыном или внуком этого Мессияна⁵¹. Высокий придворный пост *cura palatii* получил уроженец Нарбонна Консенций⁵². Он и раньше с успехом делал придворную карьеру, и его весьма ценил Валентиниан. О его должностях непосредственно перед приходом к власти Авита, неизвестно. Вполне возможно, что в бурные дни после убийства Аэция Консенций удалился в свое имение в Галлию и теперь вернулся ко двору уже в свите Авита. Одновременно Авит, явно не желая ссориться с италийской армией, сохранил на своих постах Майориана и Рицимера.

Провозглашение Авита и его по существу захват Рима были в принципе узурпацией, хотя авитовская пропаганда и доказывала, что об узурпации не может быть и речи, потому что императора уже и не было (*Sid. Apoll. Carm. VII, 512-514*). Однако непризнание Авита Маркианом подчеркивало незаконность нового западного императора. Единственным моральным основанием власти Авита могла быть только его роль в спасении римского мира и противопоставление, следовательно, бессильным предшественникам. Поэтому в панегирике Валентиниан называется «полумужем», а Максиму пеняется разрушение Рима вандалами. Зато прославляется Аэций, в свое время покровительствовавший Авиту. И именно в уста Аэция Сидоний Аполлинарий (*Carm. VII, 339-340*) вкладывает слова, якобы произнесенные полководцем во время вторжения в Галлию Атилы, что только Авит, уже овеянный славой, спасет мир. Только помощь готов, которых Авит убедил соединиться с римлянами, привела к разгрому Атилы (346-353). Будучи в это время частным человеком (*privatus*), Авит стал надеждой мира (*spes orbis*). Характерно, что в этом же месте панегирист подчеркивает, что и сейчас (*adhuc*) Авит, уже став императором, является такой же надеждой. Неда-

⁴⁹ PLRE II. P. 761-762; *Demandt A.* Magister militum. Sp. 672-673; *O'Flynn J.M.* Generalissimos... P. 106.

⁵⁰ *Barnes T.D.* Patricii under Valentinian III // *Phoenix*, 1975. Vol. 29,2. P. 165.

⁵¹ *Demandt A.* Magister militum. Sp. 672-673. О том, что второй Мессиян мог быть сыном или внуком первого: PLRE II. P. 762.

⁵² PLRE II. P. 508-509.

ром в речи Теодориха, как уже говорилось, подчеркивалось, что готы смогут отомстить вандалам. И в конце панегирика Сидоний Аполлинарий (585-588) еще раз говорит о грядущей победе севера над югом и возвращении Ливии, следовательно, о разгроме и изгнании вандалов. Такая роль Авита подчеркивалась и его монетами, на которых изображался император, топчущий побежденного врага⁵³.

Эта надежда на возвращение Ливии подкреплена конкретным фактом: Авит уже вернул Империи давно потерянную Паннонию (589-590). Панегрист не сообщает никаких деталей этого события. Можно только говорить, что оно произошло еще до наступления 456 г. и что, по-видимому, само возвращение было мирным, хотя и в результате марша (*iter*). Толкование этой фразы уже давно вызывает различные споры⁵⁴. Часть Паннонии была населена остготами, с которыми император Грациан заключил в 382 г. договор, давший им возможность поселиться в этом регионе. Позже остготы подчинились гуннам, и эта часть Паннонии вошла в состав Гуннской державы. После смерти Атиллы и разгрома его наследников на реке Недао эта территория снова стала принадлежать остготам (*Iord.* 264)⁵⁵. Видимо, именно с остготами Авит заключил какое-то соглашение, позволившее вернуть эту территорию в состав Империи⁵⁶. Расчеты времени показывают, что сам Авит едва ли имел возможность лично возглавить этот марш, так что, скорее всего, его совершил кто-то из его офицеров⁵⁷. Но это было и неважно. Несравнимо важнее был сам факт возвращения утраченной части имперской территории. Сидоний Аполлинарий упоминает об этом в конце панегирика, как бы делая его предвестником будущих еще более значительных деяний нового императора⁵⁸.

⁵³ *Bury J.B.* History of the Late Roman Empire. NY, 1958. P. 326.

⁵⁴ *Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Berkeley, 1973. P. 144-146; *Вольфрам Х.* Готы. С. 372.

⁵⁵ *Зачевич Н.* Византија и готи на Балкану у IV и V веку. Београд, 2002. С. 116; *Вольфрам Х.* Готы. С. 372.

⁵⁶ *Mócsy A.* Pannonia and Upper Moesia. London; Boston, 1974. P. 349-350; *Escher K., Lebedynsky I.* Le dossier d'Attila. 2007. P. 172.

⁵⁷ *Maenchen-Helfen O.J.* The World.... P. 145.

⁵⁸ Существует точка зрения, что поход Авита был лишь демонстрацией, не принесшей никакого результата, а упоминание об этом событии Сидонием Аполлинарием было обусловлено родственными чувствами автора: *Mócsy A.* Pannonia... P. 350-351. Однако выдумка едва ли возможна в такой публичной речи, каким был панегирик. Возвращение Паннонии вполне «вписывается» в общую концепцию произведения. Трудно себе представить, чтобы выдумка могла бы помочь прославлению императора и стать залогом его будущих побед ради спасения мира. Другое дело, что в той чрезвычайной нестабильной обстановке, какая была характерна для второй половины V в., римляне могли довольно быстро снова потерять контроль над Паннонией.

«Ахиллесовой пятой» нового правительства было то, что Авит пришел к власти с помощью варваров. Римская знать и общественное мнение в первое время явно смирились с восшествием на трон представителя соперничающей фракции аристократии. Решение сената о постановке бронзовой статуи Сидония Аполлинария на форуме Траяна (Carm. VIII, 7-8; Ep. IX, 16, 3), воздвигнутой в качестве награды за панегирик в честь Авита, доказывает это. И все же такая роль варваров не могла не вызвать определенной негативной реакции в Риме и Италии. Для нейтрализации такого негативного восприятия сложившейся ситуации была явно развернута пропаганда, не только оправдывавшая союз с готами, но и стремившаяся доказать, что именно этот союз приведет к победам Империи над другими варварами, прежде всего, вандалами. Ключевой фразой в речи, якобы произнесенной Теодорихом, является его утверждение, что он – воин при Авите-государе (Sid. Apoll. Carm. VII, 511-512). Несколькими строками выше (506-508) уточнялось, что в таком качестве он отомстит за разрушение Рима. Таким образом, в пропаганде реальная ситуация полностью переворачивалась: самым важным становилось не то, что вестготы практически поставили Авита на трон, а то, что они являются лишь воинами Рима, и то, что с их помощью император отомстит вандалам. В этом же направлении шла и чеканка Авита. На его монетах появляется изображение покорного варвара, как это бывало в римской монетной традиции, в которой подчеркивались победы Империи над варварским миром⁵⁹. Под побежденным варваром явно подразумевался вандал, победу над которым должен обеспечить союз с вестготами.

Действительность оказывалась несколько иной. Вестготы предпочли воевать не с вандалами в Африке, а со свевами в Испании. Возможно, что такое вмешательство вестготов в испанские дела было оговорено уже при провозглашении Авита императором: взамен готской поддержки новый император не только предоставлял вестготам свободу действий в Испании, но и давал им официальное поручение воевать со свевами, что позволяло готскому королю представить свои действия не как грабительское вторжение, а как исполнение приказа императора⁶⁰. Характерно, однако, что в панегирике ни словом об этом не говорится. То ли соглашение было тайным, то ли официальная пропаганда предпочитала не акцентировать внимание на этом аспекте политики Авита. Впрочем, совсем не исключено, что предварительного соглашения и вовсе не было. Во всяком случае, Авит в 456 г. еще пытался до-

⁵⁹ *López Sánchez F.* Coinage, Iconography and the Changing Political Geography of Fifth-century Hispania // *Hispania in Late Antiquity*. Leiden; Boston, 2005. P. 516-517.

⁶⁰ *Wolfram H.* The Roman Empire... P. 251; *Heather P.* La caduta... P. 458. Вестготы уже незадолго до этого, в 454 г., по поручению Валентиниана успешно воевали в Испании против багаудов (Hud. 158).

говориться со свевами. К ним был направлен в качестве посла комит Фронтон (Hud. 170). Тремя годами раньше тот же Фронтон вместе с комитом Испании Мансуэтом уже заключал мирный договор со свевами (Hud. 155), который, правда, был варварами сразу же нарушен. Фронтон был, по-видимому, галлом и земляком Авита⁶¹. Его высоко ценил Сидоний Аполлинарий (Ep. IV, 21, 4)⁶². Можно думать, что он являлся доверенным лицом Авита. Приблизительно тогда же к свевам прибывают и послы готов (Hud. 172). Это были два разных посольства. Видимо, разыгрывалась какая-то сложная дипломатическая игра. Можно предположить (но только предположить, поскольку никаких реальных данных нет), что Авит, дав Теодориху в обмен на поддержку карт-бланш в Испании, после утверждения у власти попытался эту уступку фактически взять назад. Направляя послов к свевам, он, может быть, рассчитывал дипломатическим путем добиться такого же успеха, какого он добился в Паннонии. Теодорих, со своей стороны, также направил к свескому королю Рехиарию послов, чтобы парализовать миссию Фронтона. Впрочем, обе миссии явно не удались, ибо свевы после всех переговоров снова вторглись в оставшуюся под римской властью Тарраконскую Испанию, грабя ее и уводя пленников (Hud. 172). После этого ни о каком мирном решении «свеского вопроса» уже не было речи. Авит официально дал поручение Теодориху вести войну со свевами от имени Империи (Hud. 173). Если в борьбе с багудами вестготов возглавлял брат короля Фредерик, то войну со свевами повел сам Теодорих. Свевы были наголову разгромлены, сам король Рехиарий попал в плен, и хронисту даже показалось, что Свеское королевство разрушено и со свевами вообще покончено (Hud. 173-175). Впечатление оказалось ошибочным, но преобладанию свевов на Пиренейском полуострове, действительно, пришел конец⁶³.

Поскольку вестготы официально действовали как федераты Империи и по приказу императора, Авит вполне мог приписать себе этот успех. Однако нерешенным оставался главный вопрос, от решения которого в большой степени зависело будущее самого Авита, — отношения с вандалами. Маркиан, как уже говорилось, направил специальное посольство в Карфаген с требованием отослать в Константинополь царственных пленниц, но Гейзерих, гордый недавним взятием Рима, отверг это требование. Авит также пытался мирным путем наладить отношения с вандалским королем. Он призвал его соблюдать прежние договоренности (FHG IV. Prisc. Fr. 24). Речь, по-видимому, шла о подтверждении договора 442 г. Однако Гейзерих отказался рассматривать

⁶¹ PLRE II. P. 486.

⁶² Если, конечно, эти два Фронтона — одно и то же лицо.

⁶³ *Arce J. Bárbaros y romanos en Hispania*. Madrid, 2005. P. 138-139; *Collins R. Visigothic Spain*. Oxford, 2004. P. 31-32.

это требование. Воспользовавшись своей победой в 455 г., он захватил оставшиеся под имперской властью североафриканские территории (Vict. Vit. I, 4; 13; Procop. Bel. Vand. I, 5, 22)⁶⁴. Более того, он направил свои корабли на побережье Сицилии и Италии, грабя прибрежные виллы и города (FHG IV. Prisc. Fr. 24; Procop. Bel. Vand. I, 5, 22), явно демонстрируя свое пренебрежение к Авиту и Империи вообще. Стало совершенно ясно, что дипломатически договориться с вандалами в сложившейся ситуации невозможно. Нужна была военная акция. Авит направил против вандалов, бесчинствовавших на Сицилии, армию во главе с Рицимером⁶⁵. Рицимер одержал победу над вандалами у Агригента, а затем разбил их в морском сражении у берегов Корсики (Sid. Apoll. Carm. II, 367; Hyd. 176-177; FHG IV. Prisc. Fr. 24)⁶⁶. Это были первые победы над вандалами после позорного разгрома Рима, и они были восприняты общественным мнением как месть вандалам.

Последующие события показали, что эти победы были далеко не решающими. Вандальский флот остался господствовать в Средиземном море, после убийства Валентиниана и тем более после разгрома Рима вандалы прервали поставки хлеба, масла и вина в Италию, и это вскоре привело к голоду в Риме⁶⁷. В городе начались волнения, и Авит был вынужден обратиться за помощью к пришедшим вместе с ним готам (FHG IV. Ioh. Ant. Fr. 202). Эта расправа с городским населением Рима вызвала напряжение и в имперской элите. Вынужденная признать власть галльского императора, активно поддержанного вестготами, итало-римская аристократия была теперь готова при малейшей возможности отказать ему в этой поддержке. В Италии, видимо, не без инициативы сенаторов, развернулась пропаганда, обвинявшая Авита в роскошной жизни в то время, как римляне мучаются от голода⁶⁸. Под давлением общественного мнения Авит был вынужден отправить назад в Галлию значительную часть готского войска, с которым он сравнительно недавно явился в Италию. Императорская казна была почти пуста, и, чтобы расплатиться с готами, Авит приказал перелить на монеты бронзовые статуи, украшавшие общественные места в Риме (FHG IV. Ioh. Ant. Fr. 202), и это еще бо-

⁶⁴ Дилигенский Г.Г. Северная Африка в IV-VI веках. М., 1961. С. 246.

⁶⁵ Приск пишет, что армию возглавил патриций Рицимер. Но это – явная ошибка, т. к. в тот момент Рицимер патрицием еще не был.

⁶⁶ Bury J.B. History... P. 327; O'Flynn J.M. Generalissimos... P. 105.

⁶⁷ Miltner F. Vandalen // RE. 1955. Hbd. 15A. Sp. 324; Rummel Ph. von. Where all the Vandales gone? // Das Reich der Vandalen... S. 165. После событий середины 50-х гг. связи между Италией и Северной Африкой вообще резко ослабляются, и африканские провинции, находящиеся под властью вандалов, перестают быть основной базой снабжения Рима и Италии: Wickham Ch. Studying Long-Term Change in the West // Theory and Practice in Late Antique Archaeology. London, 2003. P. 390-391.

⁶⁸ Такой вывод можно сделать из сообщения Григория Турского (II, 11).

лее озлобило римлян⁶⁹. С другой стороны, победы Рицимера над вандалами не только придали популярность этому полководцу, но и в значительной степени «реабилитировали» всю италийскую армию, которая теперь была готова навязать западной части Римской империи своего императора. Отказ Маркиана признать законность власти Авита делал эту власть еще более хрупкой. Противники императора вполне могли воспользоваться этим непризнанием и, объявив Авита узурпатором, «тираном», выступить против него с юридически почти безупречных позиций. Наконец, готские союзники Авита застряли в Испании⁷⁰. Они там одерживали блестящие победы, но продолжали оставаться в стране, распространив свои грабежи и на Лузитанию (Hud. 178, 182). Свевы были оттуда уже изгнаны, они с трудом держались в части Галлеции (Hud. 181). Так что вестготские грабежи в Лузитании ясно показали, что действительной целью Теодориха в Испании была не помощь римскому императору в борьбе с варварами, а обогащение себя и своего народа за счет местного римского населения. Если сведения об этих грабежах доходили до Италии и Рима, то они еще более ослабляли позиции Авита, в котором не могли не видеть ставленника вестготского короля. Во всяком случае, при возникновении у Авита каких-либо трудностей быстро прийти ему на помощь вестготы не могли.

В этих условиях Рицимер и Майориан открыто выступили против Авита. Сенат, явно ободренный этим выступлением, объявил о свержении Авита (Greg. Tur. II, 11). 17 сентября 456 г. во дворце около Равенны был убит патриций Авита Ремист (Fasti Vind. Prior. 578; Auctar. Prosp. Havn. 456, 1). В ответ Авит мобилизовал все свои силы, включая и находившихся с ним готских союзников (socii), и поставил во главе этой армии патриция Мессияна⁷¹. Основные силы готов, однако, несмотря, видимо, на данное ранее обещание, помочь ему не могли (Hud. 183). Через месяц после убийства Ремиста 17 октября около Плаценции состоялось сражение. После упорного боя воины Авита бежали, а Мессиян был убит (Fasti Vind. Prior. 580; Auctar. Prosp. Havn. 456, 2; Vict. Tonn. a. 456). Авит явно попал в руки врагов, но не был убит, а сделан епископом в той же Плаценции (Auctar. Prosp. Havn. 456, 2; FHG IV. Ioh. Ant. fr. 202; Greg. Tur. II, 11).

Однако долго в Плаценции Авит не задержался. Его положение было довольно сложным, он явно чувствовал себя в окружении врагов. Если верить

⁶⁹ *Schwarzc A. Senatorische Heerführer...* P. 50.

⁷⁰ *Вольфрам X. Готы.* С. 255.

⁷¹ Возможно, Авит на какое-то время отступил в Галлию, где и собрал новые силы, возглавляемые Мессияном, а затем уже с ними снова вторгся в Галлию. Впрочем, что-либо более твердое, кроме более или менее вероятных гипотез, сказать о ходе этой гражданской войны невозможно.

Григорию Турскому (II, 11), то против него выступал именно сенат. В этом, по-видимому, отразилось все обостряющееся противоречие между италоримской и галльской фракциями западно-имперской аристократии. Авит решил бежать на родину в Арверну, но по пути умер и был похоронен в *vicus Brivatensis* (Greg. Tur. II, 11). Это местечко было расположено уже в Галлии в окрестностях Арверны⁷². Так что Авит не добрался до родины сравнительно немного. Возможно, бегство Авита было вызвано не только страхом перед кознями сената, но и надеждой вернуть себе трон. Галлия явно была на его стороне. Несколько позже там возник заговор (*coniuratio Marcelliniana*) во главе с неким Пеонием, который хотел посадить на трон Марцеллина, в то время фактически самостоятельно правившего в Далмации (Sid. Apoll. Ep. I, 11, 6). Своей цели заговорщики не достигли, но Майориану, ставшему императором, пришлось Галлию подчинять. «Галльская хроника» (628) сообщает, что Авит был *occisus est a Maioriano* в Плаценции. Майориан при этом назван *comes domesticorum*. Следовательно, это событие произошло до 28 февраля 457 г., когда Майориан стал магистром воинов (Cons. Ital. a. 457). Из слов Григория Турского можно сделать вывод, что Авит умер естественной смертью, в то время как *occisus est* может быть понято как «убит». Вообще-то в глаголе *occido* содержится понятие всякого решительного падения, так что «свержение, низвержение с трона» вполне могло подойти для понимания этого выражения в данном случае. К тому же, хронист утверждает, что Авит *occisus est* в Плаценции, а не в Галлии. И все же понимание этого выражения как «убит» представляется более предпочтительным, хотя само убийство могло произойти не в Плаценции, где Авит стал епископом, поскольку Майориан едва ли взял бы на себя грех убийства епископа. Идаций (183), сообщая о свержении Авита, говорит, что он, лишившись империи, лишился и жизни (*caret imperio... caret et vita*). Это сообщение современника, хотя и жившего на краю римского мира, показывает связь свержения Авита и его смерти.

Как кажется, события можно реконструировать следующим образом⁷³. Не желая, по-видимому, ссориться с галльской знатью, победители решили сохранить жизнь Авиту, сделав его епископом и этим, как они надеялись, исключая его из политической жизни. Виктор Тонненский (455) говорит, что Рицимер сделал Авита епископом в Плаценции, сохраняя ему жизнь из-за его безвредности⁷⁴. Разгромленный в битве Авит, разумеется, был вынужден со-

⁷² *Ihm M. Brivas* // RE, 1897. Hbd. 5. Sp. 883.

⁷³ Разумеется, это – гипотетическая реконструкция, хотя и кажущаяся наиболее вероятной.

⁷⁴ Слово *innocentia*, использованное Виктором, может означать как «безвредность», так и «невинность». Однако совершенно непонятно, в чем выражалась невинность Авита. Скорее всего, все же это слово надо понять именно как «безвредность»: Авит стал безвредным после поражения и посвящения в епископы.

гласиться с этим. Когда же стало понятным, что галльская знать не признает своего поражения и пытается любым способом вернуть себе первенствующее положение в Западной империи, Авит решил бежать из Италии и пробраться на родину. При известии об этом, Майориан, командовавший дворцовой гвардией, взял на себя инициативу. Авит был настигнут и убит. Чтобы сгладить впечатление от убийства епископа, был распушен слух о его естественной смерти, а тело погибшего Авита было захоронено недалеко от его родной Арверны.

Авит был приведен к власти альянсом галльской знати, поддержанной армией, и вестготов. Каждая составляющая этого альянса преследовала свои интересы. Галльские магнаты, как и итало-римские, ощущали себя частью политической, экономической, культурной элиты, но частью ущемленной своими итальянскими коллегами. Ведущее положение в Западной империи занимали римские сенаторы. С начала 30-х гг. итальянские аристократы безусловно доминировали на общегосударственном уровне⁷⁵. Казалось бы, у галльских магнатов были шансы занять пост префекта претория Галлии. Но из шести префектов, находившихся в должности с 435 до 456 г., только о двух – о самом Авите и о Ферреоле – можно твердо сказать, что они происходили из Галлии, и вполне возможно, что третьим был Приск Валериан. Зато после Авита этот пост занимал видный представитель рода Дециев Альбин⁷⁶. Так что даже в самой Галлии местные аристократы далеко не всегда могли занять высший административный пост.

К недовольству своим, как им представлялось, приниженным положением в имперской административной и политической системе, прибавлялось не менее сильное недовольство фискальной политикой правительства. Потеря значительной части африканских провинций, особенно самых богатых и плодородных Бизацены и Проконсульской Африки, вынудила правительство Западной империи увеличить налоги и различные поставки, доставляемые оставшимися территориями, в том числе галльскими⁷⁷. Конечно, эта дополнительная тяжесть ложилась и на итальянских сенаторов, но те, пользуясь близостью к власти, могли каким-либо образом смягчить этот удар или компенсировать его за счет «административной ренты». Для галльских аристократов такая возможность или не существовала вовсе, или была весьма ограничена. Все это делало галльскую знать оппозиционной, если не враждебной, режиму, правящему в Равенне и Риме. После гибели Петрония Максима и вандалского разгрома Рима эта знать решила взять реванш⁷⁸. Армия, которая

⁷⁵ *Stickler T. Aëtius. S. 280.*

⁷⁶ *PLRE II. P. 53, 465, 1242-1243.*

⁷⁷ *Loyen A. Recherches... P. 56; Stickler T. Aëtius. S. 292-296.*

⁷⁸ *Loyen A. Recherches... P. 36.*

практически постоянно квартировала в той же Галлии, была тесно связана с местными интересами и активно поддерживала галльскую аристократию. Однако собственных сил для достижения своих целей и у знати, и у армии было недостаточно. Добиться этих целей они могли только в союзе с варварами.

Сам Авит рассчитывал на помощь готов не только в захвате трона, но и в своих внешнеполитических акциях. В первую очередь имелся в виду разгром вандалов и возвращение Африки под власть римского императора. Без успешного проведения этих акций удержание захваченного трона становилось проблематичным. Однако его расчеты не совпадали с планами Теодориха II.

Вестготы тоже имели свой интерес. Отношения между готами и вандалами, несмотря на некоторые периоды «разрядки», издавна были враждебными. Иордан (184-185) даже говорит, что Атила двинулся на завоевание Запада, будучи подкупленным вандалским королем с целью нападения именно на вестготов. Хотя, по-видимому, это сообщение в таком виде лишено достоверности⁷⁹, само существование такой версии гуннского похода показывает сохранение в исторической памяти готов представления о чуть ли не исконной вражде между готами и вандалами. Это, конечно, могло бы подтолкнуть Теодориха на войну с вандалами, как и рассчитывал Авит. Однако вандалы были слишком далеко, и вестготский король имел в виду выполнение более близких задач. Вестготы, как и другие варвары, всегда чувствовали различие между своим королем и римским императором. Недаром в готской Библии за императором, как и за Христом и Богом, закрепился старый титул *thiudans*, в то время как короля сами готы именовали *reiks* – рикс⁸⁰. Хотя с течением времени по мере побед эта разница в умах готов и уменьшалась⁸¹, окончательно она так и не исчезла. Наличие «своего» императора резко увеличивало престиж вестготского короля в глазах как его собственного народа, так и римского населения его королевства. С другой стороны, союз с императором и действия по его поручению и от его имени легализовал и облегчал действия готов в Испании. Ставил ли уже Теодорих задачу не только вытеснения свевов, но и подчинения Испании своей власти, как это позже сделал его брат и преемник Эврих? Вполне возможно. Недаром он лично возглавил поход на Пиренейский полуостров. Свержение Авита изменило его планы. Получив известие об этом событии, он вернулся в Галлию, хотя и оставил часть своего войска за Пиренеями (Hud. 186).

⁷⁹ *Clover F.M.* Geiseric and Attila // *Historia*. Bd. 24, 1. P. 109, 115.

⁸⁰ *Шкаренков П.П.* Королевская власть в остготской Италии по «*Variae*» Кассиодора. М., 2003. С. 48; *Wolfram H.* Das Reich und die Germanen. Berlin, 1990. S. 42-43; *Jmenez Garnica A.M.* Sobre rex y regnum // *Pytenae*. 2004. № 35,2. P. 59.

⁸¹ *Шкаренков П.П.* Королевская власть. С. 47-49.

Эксперимент с императорской властью галльского аристократа оказался коротким. Галло-готский альянс не сумел достичь своей цели. Причиной его конечной неудачи стало различие целей, преследуемых силами, составившими этот альянс. Без использования всей вестготской мощи (а не только той части, которая сопровождала Авита в Италию и осталась там вплоть до битвы при Плаценции) одержать верх над сплотившимися ради свержения Авита итало-римской аристократией и италийской армией оказалось невозможным.

Список использованной литературы

- Вольфрам Х.* Готы. СПб, 2003.
- Дилигенский Г.Г.* Северная Африка в IV-VI веках. М., 1961.
- Зачевич Н.* Византија и готи на Балкану у IV и V веку. Београд, 2002.
- Коростелин В.А.* Договорные отношения Позднеримской империи с варварами // Вопросы истории. 2006. № 8.
- Чекалова А.А.* Сенат и сенатская аристократия Константинополя. М., 2010.
- Шкаренков П.П.* Королевская власть в остготской Италии по «Variae» Кассиодора. М., 2003.
- Alföldy G.* Storia sociale dell'antica Roma. Bologna, 1987.
- Arce J.* Bárbaros y romanos en Hispania. Madrid, 2005.
- Barnes T.D.* Patricii under Valentinian III // Phoenix, 1975. Vol. 29. P. 155-170.
- Berger A.* Illustis // RE. Hbd. 17. 1914. Stuttgart, 1914. Sp. 1070-1085.
- Bury J.B.* History of the Late Roman Empire. NY, 1958.
- Clover F.M.* Geiseric and Attila // Historia, 1973. Bd. 24,1. P. 104-117.
- Collins R.* Visigothic Spain. Oxford, 2004.
- Demandt A.* Die Spätantike. München, 1989.
- Demandt A.* Magister militum // RE. Sp. 553-790.
- Enßlin W.* Marcianus (34) // RE. Hbd. 28. Stuttgart, 1930. Sp. 1514-1529.
- Enßlin W.* Philagrius // RE. Hbd. 38. Stuttgart, 1938. Sp. 2106-2107.
- Escher K., Lebedynsky I.* Le dossier d'Attila. 2007.
- Grant M.* The Fall of the Roman Empire. London, 1990.
- Heather P.* Goths and Romans. Oxford, 1992.
- Heather P.* La caduta dell'imperio romano. Milano, 2008.
- Ihm M.* Brivas // RE, 1897. Hbd. 5. Stuttgart, 1897. Sp. 883.
- Jmenez Garnica A.M.* Sobre rex y regnum // Pyrenae. 2004. № 35,2. P. 57-78.
- Klotz A.* Sidonius // RE. Hbd. 4A. Stuttgart, 1923. Sp. 2230-2238.
- López Sánchez F.* Coinage, Iconography and the Changing Political Geography of Fifth-century Hispania // Hispania in Late Antiquity / ed. by K. Bowes and M. Kulikowski. Leiden; Boston, 2005. P. 487-518.
- Loyen A.* Reccheches historiques sur les Panégyriques de Sidoine Apollinaire. Paris, 1942.
- Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Berkeley, 1973.
- Miltner F.* Vandalen // RE. Hbd. 15A. Stuttgart, 1955. Sp. 298-335.
- Mócsy A.* Pannonia and Upper Moesia. London; Boston, 1974.

O'Flynn J.M. Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton, 1983.

Rummel Ph. von. Where all the Vandales gone? // *Das Reich der Vandalen und seine Vorgeschichte(n)* / Hrsg. G. Berndt, R. Steinacher. Wien, 2008. P. 151-182

Schwarcz A. Senatorische Heerführer im westgotereich im 5. Jh. // *La noblesse romaine et les chefs barbares* / ed. F. Vallet et M. Kazanski. 1995. P. 49-54.

Seeck O. Agricola // *RE. Hbd. 1.* Stuttgart, 1894. Sp. 892.

Smith R. The imperial court of the late Roman empire c. AD 300 – c. AD 450 // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies* / Ed. by A. J. S. Spawforth. Cambridge, 2007. P. 157-232.

Stickler T. Aëtius. München, 2002.

Wickham Ch. Framing the Early Middle Ages. Oxford, 2007.

Wickham Ch. Studying Long-Term Change in the West // *Theory and Practice in Late Antique Archaeology* / Ed. L. Lavan and W. Bowden. London, 2003. P. 385-403.

Wolfram H. Das Reich und die Germanen. Berlin, 1990.

Wolfram H. The Roman Empire and Its Germanic Peoples. Berkeley; Los Angeles; London, 1992.

